

Абдурахимова Зиёда Анвар кизи

Доцент, PhD

Университет мировой экономики и дипломатии

Норбутаева Хуснора Шавкат кизи

Магистрант

Университет мировой экономики и дипломатии,

Узбекистан

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРУКТУРА ИНОСТРАННОЙ ПОМОЩИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются современное состояние и структурные особенности международной официальной помощи в целях развития (ОПР), направляемой в секторе образования, в период 2010–2024 годов. Выявлена устойчивая диспропорция в распределенных ресурсах: страны с низким уровнем дохода значительно получают меньшую абсолютную поддержку по сравнению с изменением уровня дохода, при этом геополитические факторы способны существенно деформировать структуру распределения. Сделан вывод о необходимости качественного пересмотра схемы международной помощи, которая привела к неожиданному достижению ЦУР 4 к 2030 году.

Ключевые слова: официальная помощь в целях развития, ОПР, финансирование образования, ЦУР 4, развивать доноры, образовательная бедность, долговая нагрузка, Глобальное партнерство в области образования.

Abduraximova Ziyoda

PhD. (Economics)

University of World Economy and Diplomacy

Norbutaeva Khusnora

Master's student

University of World Economy and Diplomacy

MODERN STATE AND STRUCTURE OF FOREIGN AID IN THE EDUCATION SECTOR

ABSTRACT. *This article examines the current state and structural features of international official development assistance (ODA) directed to the education sector for the period 2010–2024. A gradual shift in donor priorities from basic education to secondary and post-secondary education has been documented, which contradicts the sharpness of educational poverty indicators across all countries. It is shown that the growing debt burden on developing countries is creating a structural deficit in education funding, partially offset by innovative debt swap mechanisms. A conclusion is drawn regarding the need for a fundamental review of the international aid framework, which led to the unexpected achievement of SDG 4 by 2030.*

Keywords: *official development assistance, ODA, education funding, SDG 4, developing donors, educational poverty, debt burden, Global Partnership for Education.*

ВВЕДЕНИЕ. Образование является фундаментальным условием устойчивого развития, экономического роста и сокращения неравенства. Признавая эту роль, мировое сообщество закрепило право на образование в качестве приоритета международной повестки — в Целях в области устойчивого развития (ЦУР), прежде всего в ЦУР 4 «Обеспечить инклюзивное и справедливое качественное образование и создать возможности для обучения на протяжении всей жизни для всех», а также в Инчхонской декларации «Образование-2030» [1]. Тем не менее разрыв между провозглашёнными целями и реальными возможностями государств — особенно развивающихся стран с низким уровнем дохода — по-прежнему остаётся значительным.

Актуальность исследования обусловлена тем, что именно этот разрыв призвана восполнить международная официальная помощь в целях развития (ОПР), направляемая в сектор образования. Вместе с тем структура,

приоритеты и эффективность данной помощи претерпевают существенные изменения, требующие систематического анализа.

Методы. Исследование основано на сравнительном анализе количественных данных из открытых международных баз — Системы отчётности перед кредиторами ОЭСР (OECD DAC/CRS), доклада Всемирного банка и ЮНЕСКО «Education Finance Watch 2024» (ОФО-2024), а также ежегодной статистики ОПР ОЭСР (ODA Key Figures 2024) [2; 3; 4].

Результаты. Динамика объёмов ОПР на образование (2010–2024). За рассматриваемый период совокупный объём официальной помощи в целях развития, направляемой в сектор образования, демонстрировал в целом положительную динамику, хотя и неравномерную. По данным Комитета содействия развитию ОЭСР, в 2022 году этот показатель достиг рекордного уровня — 16,6 млрд. долл. США, что на 16% больше, чем в предыдущем году (14,3 млрд. долл.) [2]. Для сравнения: в 2010 году суммарный объём помощи образованию составлял около 11,8 млрд. долл., то есть за двенадцать лет он вырос примерно на 41% в реальном выражении. Согласно предварительным данным ОЭСР за 2023–2024 годы, тенденция к росту сохраняется, хотя темпы увеличения замедляются [2].

Вместе с тем абсолютный рост объёмов помощи образованию не отражает реального усиления приоритетности данного сектора в системе международного содействия развитию. Напротив, доля образования в совокупном объёме ОПР снизилась с 9,3% в 2019 году до 7,6% в 2022 году и продолжает сокращаться. Это объясняется тем, что общий объём ОПР рос ещё быстрее — прежде всего за счёт расходов на здравоохранение (реакция на пандемию COVID-19), энергетику и экстренную помощь. По прогнозам, к 2024 году доля образования в ОПР может составить лишь около 7,1%, что является минимальным значением за последние два десятилетия.

Таблица 1.

Динамика ОПР на образование в мире, 2010–2024 гг.

Год	Всего ОПР на образование (млрд. долл. США)	в т.ч. базовое образование (млрд.)	в т.ч. высшее образование (млрд.)	Доля в ОПР (%)	Индекс (2010=100)
2010	11,8	6,1	3,3	9,1	100
2012	10,5	5,3	3,2	8,3	89
2014	10,8	5,3	3,1	8,5	92
2016	13,0	6,8	3,3	8,7	110
2018	13,7	6,9	4,0	8,9	116
2019	14,4	6,3	4,2	9,3	122
2020	15,1	7,5	3,9	8,8	128
2021	14,3	6,8	4,3	7,9	121
2022	16,6	7,6	4,7	7,6	141
2023 (оценка)	17,1	7,9	4,9	7,4	145
2024 (прогноз)	17,8	8,2	5,1	7,1	151

Источник: OECD DAC/CRS Statistics (2025); World Bank & UNESCO, Education Finance Watch 2024; OECD ODA Key Figures 2024 [2; 3; 4]; систематизировано автором.

Как видно из таблицы 1, рост абсолютных объёмов ОПР на образование сопровождается падением индикатора её значимости — доли в совокупной ОПР. Если в 2016–2019 годах этот показатель стабилизировался на уровне 8,5–9,3%, то начиная с 2020 года он последовательно снижается. Особую тревогу вызывает прогнозируемое снижение до 7,1% к 2024 году, что ставит под угрозу выполнение обязательств международного сообщества в рамках ЦУР 4 [1].

Основные доноры и их приоритеты. Архитектура международной помощи образованию характеризуется значительной асимметрией: небольшое число крупных доноров обеспечивает подавляющую часть совокупного финансирования. По данным ОФО-2024 и статистики ОЭСР, в 2020–2022 годах лидирующую позицию занимала Международная ассоциация развития (МАР) Всемирного банка, выделявшая в среднем около 2,0 млрд. долл. в год. За ней следовали Германия (1,4 млрд.), США (1,3 млрд.) и Европейский союз (1,2 млрд.). В совокупности семь крупнейших доноров обеспечивали около 60% всей помощи на цели образования [3; 4].

Глобальное партнёрство в поддержку образования (ГПО / GPE) — специализированный международный фонд, ориентированный исключительно на поддержку систем образования в развивающихся странах, — увеличило объём выплат с 454 млн. долл. в 2021–2022 годах до 521 млн. долл. в 2023 году. Это свидетельствует о постепенном росте роли мультилатеральных механизмов в финансировании образования [5].

Таблица 2.

Крупнейшие доноры ОПР в сфере образования и их приоритеты, 2022 г.

Донор	Объём помощи образованию 2022 (млрд. \$)	Доля базового образования (%)	Доля послесреднего образования (%)	Основная форма помощи
МАР (Всемирный банк)	2,0	н/д	н/д	Поддержка проектов
Германия	1,4	23	30	Бюджетная поддержка
США	1,3	75	15	Поддержка проектов
Европейский союз	1,2	н/д	20*	Смешанная
Франция	<1,0	20	60	Стипендии/проекты
Япония	<1,0	22	53	Техническое содействие
Великобритания	<1,0	40	20	Смешанная
ГПО (GPE)	0,5	~90	<10	Гранты странам
Норвегия	<0,5	66	н/д	Многостор. взносы

Источник: OECD DAC/CRS Statistics (2024); World Bank & UNESCO, Education Finance Watch 2024; GPE Results Report 2023 [3; 4; 5]; систематизировано автором.

Анализ приоритетов доноров (таблица 2) обнаруживает существенные различия в подходах к финансированию образования. США и Норвегия концентрируют усилия преимущественно на базовом образовании (75% и 66% соответственно), тогда как Франция и Япония значительную долю средств — 60% и 53% — направляют на поддержку послесреднего образования. Это отражает различные концепции содействия развитию: «социальная» модель, ориентированная на обеспечение базовых образовательных прав, и

«экономическая», акцентирующая вклад высшего образования в экономический рост [4].

Помимо содержательных приоритетов, доноры различаются и предпочтительными формами предоставления помощи. Основной формой остаётся целевое финансирование проектов (64% всей ОПР на образование в 2022 году). Доля более гибких инструментов — бюджетной поддержки, технического содействия и взносов в общие фонды — снизилась с 36% в 2010 году до 23% в 2022 году, что свидетельствует о тенденции к «проектизации» международной помощи. Германия является исключением: 30% её помощи образованию предоставляется через механизмы бюджетной поддержки и объединённых фондов, что считается более предпочтительным с точки зрения обеспечения устойчивости систем образования [4].

Распределение ОПР по странам-получателям. Несмотря на декларируемые цели адресной поддержки наименее развитых стран, реальная структура ОПР свидетельствует о значительной диспропорции. По данным ОФО-2024, в 2022 году страны с низким уровнем дохода (СНД) получили в общей сложности около 3,2 млрд. долл. международной помощи образованию, что составило 12,2% от суммарных расходов на образование в этой группе стран. Страны с уровнем дохода ниже среднего (СНСД) получили значительно большую долю в абсолютном выражении — около 10,4 млрд. долл., однако ОПР обеспечивает здесь лишь 2,1% расходов на образование [3].

При этом совокупная международная помощь составляет всего 0,29% от глобального объёма финансирования образования, что ставит вопрос о реальном вкладе ОПР в решение образовательного кризиса.

Таблица 3.

Распределение ОПР на образование по группам стран-получателей, 2022 г.

Группа стран по уровню дохода	Объём ОПР на образовании 2022 (млрд. \$)	ОПР как % от общих расходов на образование	Темп роста 2010–2022 (%)	ОПР на ребёнка (долл.)
Страны с низким	~3,2	12,2	+33	~12

Группа стран по уровню дохода	Объём ОПР на образование 2022 (млрд. \$)	ОПР как % от общих расходов на образование	Темп роста 2010–2022 (%)	ОПР на ребёнка (долл.)
уровнем дохода (СНД)				
Страны с уровнем дохода ниже среднего (СНСД)	~10,4	2,1	+53	~4
Страны с уровнем дохода выше среднего (СВСД)	~2,9	0,3	+45	<1
Страны с высоким уровнем дохода (СВД)	~0,0	0,0	—	—
Итого по миру	16,6	0,29	+41	~2

Источник: World Bank & UNESCO, Education Finance Watch 2024; OECD DAC/CRS Statistics 2024 [3; 4]; систематизировано автором.

Особого внимания заслуживает резкий рост доли СНСД в 2022 году — на 6 процентных пунктов по сравнению с 2021 годом. Это объясняется прежде всего увеличением объёма помощи Украине: с 187 млн. долл. в 2021 году до 2,1 млрд. долл. в 2022 году. Данный факт демонстрирует уязвимость статистики международной помощи образованию к воздействию геополитических факторов: включение ситуативной гуманитарной помощи в общий зачёт ОПР искажает картину её реального вклада в долгосрочное развитие образовательных систем [3].

Таблица 4.

Структура ОПР на образование по уровням программ, 2010–2022 гг. (млрд. долл. США)

Уровень образования	2010 (млрд. \$)	2015 (млрд. \$)	2019 (млрд. \$)	2022 (млрд. \$)	Доля 2022 (%)
Базовое образование (дошкольное + начальное)	6,1	5,8	6,3	7,6	46,1
Среднее образование	2,3	2,8	3,8	4,3	25,8
Послесреднее (высшее + профессиональное)	3,3	3,3	4,2	4,7	28,1
Всего	11,8 (≈)	11,9 (≈)	14,4	16,6	100

Источник: OECD DAC/CRS, 2024; World Bank & UNESCO, Education Finance Watch 2024 [3; 4]; систематизировано автором.

Структура ОПР по уровням образования. Исторически наибольшую долю в ОПР на образование занимало базовое образование (дошкольное и начальное), что соответствовало принципу обеспечения «образования для всех». Однако за последние полтора десятилетия данная тенденция претерпела существенные изменения.

Как следует из таблицы 4, доля базового образования в ОПР на образование снизилась с 52% в 2010 году до 46% в 2022 году. Напротив, доля среднего образования выросла с 20% до 26%, а послесреднего — стабильно удерживается на уровне около 28%. Таким образом, прослеживается постепенное смещение приоритетов доноров в пользу ступеней образования, ориентированных на подготовку квалифицированной рабочей силы и поддержку экономического развития [4].

Данный сдвиг можно интерпретировать двояко. С одной стороны, растущее внимание к среднему образованию отражает осознание его ключевой роли в обеспечении перехода учащихся к продуктивной занятости и снижении образовательной бедности. С другой стороны, сокращение доли базового образования в условиях, когда в СНД показатели образовательной бедности среди 10-летних детей достигают 70–90%, вызывает серьёзную озабоченность [3].

Долговая нагрузка и инновационные механизмы финансирования

Одним из ключевых факторов, определяющих реальные возможности развивающихся стран использовать как внутренние ресурсы, так и международную помощь для финансирования образования, является их долговая нагрузка. За период с 2012 по 2022 год ВНД стран с низким уровнем дохода вырос в среднем на 33%, тогда как совокупный объём их внешнего долга увеличился на 109%. Для стран с уровнем дохода ниже среднего соответствующие показатели составили +21% и +46%. Следствием этой асимметрии стало то, что доля СНД, находящихся в состоянии долгового

кризиса или подверженных высокому риску его возникновения, возросла с 21% в 2013 году до 58% в 2022 году [3].

В 2022 году ряд стран Африки к югу от Сахары тратил на обслуживание долга столько же, сколько на образование в расчёте на душу населения: среднее значение по региону составило около 50 долл. на душу населения на выплату процентов при 65 долл. на образование. В Южной Азии ситуация ещё более острая: расходы на обслуживание долга (103 долл.) превышали расходы на образование (81 долл.) [3].

В качестве инновационных инструментов смягчения долговой нагрузки ряд стран рассматривает долговые свопы — финансовые соглашения, в рамках которых часть внешнего долга страны списывается донором в обмен на обязательство инвестировать эквивалентную сумму в национальные проекты развития, включая образование. Программа ГПО Debt2Ed представляет собой один из наиболее перспективных механизмов такого рода. Яркий пример — Сомали, которая в декабре 2023 года завершила процесс списания долга в рамках Инициативы БСКЗ и сразу после этого увеличила бюджет образования в четыре раза: с 8 до 34 млн. долл. в 2023 году [5].

Тенденции в сфере данных и отчётности

Достоверность анализа современного состояния международной помощи образованию во многом определяется качеством доступных данных. Статистика ОПР формируется преимущественно на основе отчётности стран-доноров перед ОЭСР — в рамках Системы отчётности перед кредиторами (СОК). Однако данная система имеет ряд существенных ограничений [4].

Во-первых, страны-получатели нередко не располагают собственными сопоставимыми данными о получаемой помощи образованию. По данным Сводного информационного инструмента ЮНЕСКО (СИЮ), по состоянию на февраль 2024 года 51% стран не представили данные за 2022 год о государственных расходах на образование в процентной доле к ВВП, а 58% — о доле таких расходов в совокупных государственных расходах [6].

Во-вторых, значительная часть данных о помощи образованию не имеет разбивки по уровням программ или видам расходов, что существенно ограничивает возможности анализа целевого использования средств. В 2022 году лишь 22% стран представили в СИЮ данные о расходах на образование в разбивке по уровням программ — против 47% в 2018 году [6].

В-третьих, в рамках ОФО-2024 зафиксировано существенное улучшение доступа к данным о расходах домохозяйств: новая база данных национальных счетов ООН содержит в пять раз больше единиц данных, чем использовавшиеся в предыдущих изданиях источники. Это позволило уточнить оценки доли домохозяйств в глобальных расходах на образование — она оказалась несколько ниже ранее публиковавшихся значений для стран с низким уровнем дохода [3].

Обсуждение. Полученные результаты позволяют выделить ряд системных противоречий в архитектуре международной помощи образованию. Прежде всего, фиксируется парадокс абсолютного роста при относительном снижении: несмотря на исторически рекордные номинальные объёмы ОПР на образование в 2022–2024 годах, её удельный вес в совокупной международной помощи снижается, что де-факто означает ослабление приоритетности сектора.

Второе противоречие связано с географическим распределением помощи. Страны с наибольшей потребностью в поддержке — СНД — получают в абсолютном выражении значительно меньше, чем СНСД, причём острые краткосрочные геополитические факторы (как в случае с Украиной в 2022 году) способны существенно деформировать общую картину распределения ресурсов.

Третье системное противоречие — смещение структуры помощи в пользу послесреднего образования при сохранении критически высоких показателей образовательной бедности на базовом уровне. Это указывает на то, что интересы доноров и потребности получателей не всегда совпадают. Ориентация ряда доноров на поддержку высшего образования через стипендиальные

программы в значительной мере служат их собственным интересам (привлечение талантов, «мягкая сила»), а не долгосрочному развитию образовательных систем стран-получателей [7].

Наконец, нарастающая долговая нагрузка становится структурным ограничителем, способным нивелировать эффект международной помощи: страны вынуждены направлять всё большую долю бюджетных средств на обслуживание долга, сокращая финансирование образования. В этом контексте механизмы типа Debt2Ed приобретают стратегическое значение как инструмент одновременного решения двух взаимосвязанных проблем.

Заключение. Проведённый анализ свидетельствует о том, что система международной помощи образованию находится в состоянии структурной трансформации, характеризующейся рядом устойчивых тенденций. Во-первых, образование постепенно утрачивает позиции в иерархии приоритетов международных доноров, несмотря на абсолютный рост финансирования. Во-вторых, сохраняется значительная диспропорция в распределении помощи как по группам стран, так и по уровням образования, причём наиболее уязвимые категории получателей — страны с низким уровнем дохода и сектор базового образования — испытывают относительное сокращение поддержки.

В-третьих, нарастающая долговая нагрузка на развивающиеся страны формирует структурный дефицит финансирования образования, который не может быть компенсирован в рамках традиционных механизмов ОПР. Инновационные инструменты (долговые свопы, мультилатеральные фонды) пока не достигают масштаба, необходимого для системного изменения ситуации.

В-четвёртых, существенные информационные пробелы в национальных статистиках образовательных расходов ограничивают возможности как мониторинга прогресса, так и разработки обоснованных стратегий финансирования. Повышение своевременности и полноты данных является

необходимым условием для достижения Цели устойчивого развития 4 к 2030 году [1; 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. UNESCO. Education 2030: Incheon Declaration and Framework for Action for the implementation of Sustainable Development Goal 4 / UNESCO. — Paris: UNESCO, 2016. — 84 p. — URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000233137_rus (дата обращения: 15.03.2025).
2. OECD. ODA Key Figures 2024 / Organisation for Economic Co-operation and Development. — Paris: OECD Publishing, 2025. — URL: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm> (дата обращения: 20.03.2025).
3. World Bank; UNESCO. Education Finance Watch 2024 / World Bank, UNESCO. — Washington, D.C.: World Bank Group, 2024. — 112 p. — URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/education/publication/education-finance-watch> (дата обращения: 18.03.2025).
4. OECD. DAC/CRS Aid Statistics. Creditor Reporting System / Organisation for Economic Co-operation and Development. — Paris: OECD, 2024. — URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1> (дата обращения: 18.03.2025).
5. GPE. Results Report 2023 / Global Partnership for Education. — Washington, D.C.: GPE, 2023. — 76 p. — URL: <https://www.globalpartnership.org/results/results-reports> (дата обращения: 22.03.2025).
6. UNESCO. UNESCO Institute for Statistics (UIS) Data Centre / UNESCO UIS. — Montreal: UIS, 2024. — URL: <https://data.uis.unesco.org> (дата обращения: 25.03.2025).
7. Heyneman, S. P. The international aid business and the quality of education / S. P. Heyneman // Compare: A Journal of Comparative and International Education. — 2003. — Vol. 33, № 3. — P. 347–361. — DOI: 10.1080/0305792032000127550.

8. Unterhalter, E. Global inequality and the Sustainable Development Goals / E. Unterhalter // *Current History*. — 2019. — Vol. 118, № 806. — P. 100–105. — DOI: 10.1525/curh.2019.118.806.100.
9. Burnett, N. Education for All: The quality imperative / N. Burnett, C. Bermingham // *Journal of Education Policy*. — 2010. — Vol. 25, № 4. — P. 465–483.
10. Mundy, K. Education for all and the global governors / K. Mundy, L. Murphy // *World Development*. — 2001. — Vol. 29, № 12. — P. 2061–2075. — DOI: 10.1016/S0305-750X(01)00082-7.